

Выступая катализатором и возмутителем спокойствия, своеобразным «*infant terrible*» общества в XIX веке, Ф.Ницше осознавал свою роль, когда писал в «*Ессе homo*» — своей автобиографии: «Я и сам еще не своевременен, иные люди рождаются посмертно. Когда-нибудь понадобятся учреждения, где будут жить и учить, как я понимаю жизнь и учение; будут, быть может, учреждены особые кафедры для толкования Заратустры»¹. В другом месте философ восклицает: «Заблистать через триста лет — моя жажда славы»².

Но не прошло и одного десятилетия после смерти философа, последовавшей как раз на рубеже XIX—XX веков, как его философия получила чрезвычайно широкое распространение во всех европейских странах и, более того, уже только в XX веке она пережила, по крайней мере, три волны своего влияния. Первая — начавшаяся почти сразу же после смерти философа, — тут Ф.Ницше словно угадал свое посмертное возрождение, — предшествует первой мировой войне и охватывает широкий спектр социальных и культурологических установок — представлена в самых различных вариациях от философии (Г.Файхингер, Г.Зиммель), психологии (А.Адлер), философии культуры (Б.Шоу, А.Швейцер), поэзии и литературы (С.Георге, Р.М.Рильке, Т.Манн, Г.Гессе). Вторая волна, непосредственно связанная с организованным сестрой философа Е.Ферстер-Ницше «Архивом Ницше», начинается с 1918 года выходом в свет книги О.Шпенглера «Закат Европы» с ее провозглашением и пророчеством грядущей гибели цивилизации, века цезаризма, войн и мировых катаклизмов, и напрямую направлена на формирование и становление национал-социализма в Германии. Наконец, третья волна, последовавшая вслед за окончанием второй мировой войны — волна денацификации философии Ф.Ницше, связана, главным образом, с творчеством М.Хайдеггера и К.Ясперса — в Германии, В.Кауфмана — в Америке и М.Фуко — во Франции.

Процесс денацификации Ф.Ницше продолжается и в настоящее время и, пожалуй, впервые позволяет объективно оценить его творчество вне социально-политических импликаций его философии к политической злобе дня. Вначале воспринятая многими исследователями как «интеллектуальный бред», философия Ф.Ницше, как показала исторически развивающаяся социальная действительность XX века, оказалась чрезвычайно активной, работающей как в области социально-культурной динамики, так и, в особенности, в области политики, определяющей во многом духовный, философский, психологический климат всего столетия.

Являясь не классической как по форме, так и по содержанию самой философской проблематики, философия Ф.Ницше тем не менее опирается на глубокую историко-философскую традицию, на своих

предшественников не только в русле консервативной мысли, таких как А.Шопенгауэр, но и является, в частности, разработкой, последовательной разработкой так называемой «позитивной философии» Ф.Шеллинга, изложенной им в «Философии мифологии» и «Философии откровения», впервые появившейся в 1844 году — году рождения Ф.Ницше. Противопоставляя свою «позитивную философию» классической рационалистической философии XIX века и, в частности, так называемой в классификации Ф.Шеллинга «негативной» философии Г.В.Гегеля, Ф.Шеллинг определял свою «позитивную» философию как философию предельно широко понятой «жизни», которая как бы тем самым впервые обрела свое название. «Я уже сказал, — пишет в «Философии откровения» Ф.Шеллинг, — негативная философия остается преимущественно философией *школы*, позитивная — философией *жизни*»³. И как таковая «философия жизни» отличается от предшествующей ей «философии школы» следующими основными чертами: она предельно открыта, не завершена — это «постоянно продолжающееся познание»⁴, «она свободна от догматизма и, наконец, несистематична, не может называться системой, в том же самом смысле, именно потому, что она никогда не будет абсолютно замкнутой»⁵.

Отказываясь от философии как «строгой науки», претендующей на абсолютное и достоверное знание, «философия жизни» Ф.Ницше становится философией существующего, претерпевающего жизнь субъекта, который, находясь в процессе становления жизни, постоянно воспроизводит в своем сознании жизненные ситуации, переводя их в термины процесса. И если к тому же этот переживающий жизнь субъект, как это и следует в случае Ф.Ницше, оказывается поэтом, писателем, художником, музыкантом — в широком смысле этого слова, — то и его художественный, поэтический, творческий стиль, способ изложения отражает само переживание процесса жизни не догматически, следуя законам, системе, а становится афоризмом, взглядом, оценкой, суждением, отражающим изменяющуюся действительность. Все объективное растворяется в субъекте, субъективируется, теряет упругость «всеобщего и необходимого», выступает отражением субъекта восприятия. И когда после знакомства с «философией откровения», с «философией мифологии» Ф.Шеллинга, Ф.Ницше столкнется с философией А.Шопенгауэра, тоже писавшего о феноменализме высшего мира в своей работе «Мир как воля и представление», духовная общность «философии жизни» Ф.Шеллинга и волюнтаризма А.Шопенгауэра, как общность «позитивных установок» этих мыслителей, станет своеобразной базисной установкой мышления самого философа — от первой до последней из написанных им работ.

Вместе с тем, нападая на Философию Просвещения в целом за ее оптимистический пафос, веру в революционизирующую роль разума и основанной на нем науки, Ф.Ницше конкретизирует предмет своей атаки, что, впрочем, не мешает ему давать и целостные оценки, скажем, английской или французской философии XVII—XVIII веков. Это, главным образом, три мыслителя, три главных противника философии самого Ф.Ницше: и первый из них — Р.Декарт с его просвещенческой верой в разум, в разум рационального автономного субъекта; второй — Ж.Ж.Руссо, как представитель политического просвещения с его концепцией общей воли (*General Volonte*) и общественного договора; и, наконец, И.Кант, как завершитель философии просвещения в морали, основанной на рациональности, но тем не менее фактически реконструирующего христианскую мораль.

А поскольку в настоящее время испытывается определенный кризис просвещенческих установок, нигилизм как мировоззренческих парадигм, так и научных подходов, то необычайно оживляется интерес именно к этой стороне философии Ф.Ницше. И именно в настоящее время усиливаются попытки усмотреть в философии немецкого мыслителя некий «скрытый шифр», «пророчество», которое через критику основ европейской цивилизации, через критику просвещенческой идеологии позволит найти выход из тупика современного мировоззренческого кризиса, называемого «постмодернизмом и постструктурализмом».

Философ стал «пророком» кризисного времени и не случайно именно в настоящее время предпринимаются попытки выборки тех или иных мест, пассажей его философии, в которых якобы раскрывается современность, попытки историко-философского «поклевывания» — по меткому замечанию М.Хайдеггера, — затемняющих целостное видение его философии в угоду политической необходимости. И скорее как крайность, но тем не менее имеющая место и отражающая позицию самих исследователей, существуют попытки «амальгамирования», переплетения вымысла и правды в интеллектуальной биографии философа, в которых отбрасывается вся наработанная традиция современного ницшеведения, все три волны интерпретационных схем для того, чтобы создать еще одну причудливую смесь, делающую саму биографию философа более романтической, привлекательной парадоксальной, претендующей на более широкий читательский и обывательский успех, спрос на «биографию анекдот», роман из жизни художника. Ярким, но далеко не худшим примером такого «романа анекдота» является «Доктор Фаустус» Т.Манна, в котором реально биографические факты жизни мыслителя переплетены с сюжетами из

романов Ф.М.Достоевского, отвергаемого самим Ф.Ницше, средневековой мистикой в духе христианских мистерий искупления, отрицаемых немецким мыслителем.

Следует отметить, что сам Ницше немало способствовал такого рода двусмысленным интерпретациям своей интеллектуальной биографии: обосновывая аристократический радикализм оценок своего времени столь же аристократическим мифом о своем происхождении, так же как весьма двусмысленными оценками своего заболевания, проходящего через всю жизнь, когда заявлял в *Ессе homo* — не без оттенка мегаломании и парадоксальной логики: «...я умер уже в качестве моего отца, но в качестве моей матери я еще живу и старею»⁶; или, например, следующее: «Если исключить, что я *decadent*, я еще и его противоположность. ... Как *summa summarum*, я был здоров; как частность, как специальный случай, я был *decadent*»⁷.

Век XX-ый по-своему доказал, что время появления той или иной версии, интерпретации философского наследия Ф.Ницше диктуется во многом политической злобой дня, запросами того самого времени, которое не только определяет характер, стиль и тон изложения, но и его политическую направленность. Философ, выступая под чужими знаменами, обслуживает и как бы оправдывает интересы партий — и это с одной стороны. С другой — обладая определенной «упругостью», тексты философа требуют тщательной сепарации, дифференциации и тем не менее в силу своей «упругости» не позволяют интерпретациям полностью поглотить себя — всегда сохраняется «остаток», не редуцируемый и не входящий в ту или иную интерпретацию его философии, не укладывается в лозунги и транспаранты партийных программ, выдвигаемых временем.

И если философию Ф.Ницше, его борьбу с философией Просвещения с течением времени можно уподобить борьбе ветхозаветного Иакова с незнакомцем, борьбе скандинавского бога Тора со «старушкой» или, иначе говоря, борьбе блестящего сильного мыслителя с демоном времени, с вечностью, то уместно будет привести высказывание самого философа об этом «демоне» — «демоне времени»: «Люблю ли я прошлое? Я уничтожал его для того, чтобы жить. — Люблю ли я настоящее? Я отворачиваюсь от него для того, чтобы быть в состоянии жить»⁸.

ГЛАВА 1

ПРЕЛЮДИЯ

Одной из любимых тем романистов XIX, да и XX столетий, сохраняющих романтический пафос загадочности, являлась тема гениальности и помешательства.

Судьба Г.Гельдерлина и Г.Ф.Клейста — в начале века, Людвига Баварского и Ф.Ницше — в конце века, соединивших в себе оба таинственных феномена безумия и гениальности, надолго определили основные сюжетные темы писателей. И если добавить сюда еще и гениально болезненный талант великого русского писателя Ф.М.Достоевского, эстетический радикализм французского писателя Г.Флобера, болезнь позднего Г.Гейне и Г.Мопассана — было, от чего впасть в волнение и строить различные гипотезы.

Всегда ли помешательство сопутствует гениальности и что такое гениальность в таком случае? Что это — духовный взлет и последующая плата или процесс помешательства, имеющий попутным явлением феномен гениальности? И это, казалось бы, «абстрактная», общетеоретическая постановка проблемы взаимоотношения безумия и гениальности (по крайней мере, так она выглядит по отношению, например, к последнему романтическому «королю-призраку» — Людовику Баварскому) приобретает жгучий политический интерес при обращении к философии Ф.Ницше. И вовсе не случайно, а исключительно в связи с тем обстоятельством, что именно Ф.Ницше стал символом, эмблемой, предтечей и пророком не только «консервативной» революции в Германии, но и надвигающегося национал-социализма.

Выступая под «ложным флагом» основателя учения, пророка грядущего обновления мира, Ф.Ницше всей своей судьбой, судьбой своего учения стал заложником — «чистой совестью» — становящегося

фашизма. Его судьба и личная «интеллектуальная биография» стала частью, «сакральной» частью партийной программы, обеспечивающей ей чистоту исходных предпосылок, научную состоятельность. Именно Ф.Ницше, становясь в национал-социализме харизматическим лидером движения, его пророком, в интерпретации идеологов национал-социалистического движения нуждался в своего рода «реабилитации», разводящей «гениальность» и «помешательство» в разные стороны, как бы не имеющие под собой ничего общего. Необходимо было представить «логику безумия» как некую социологическую правду, идущую из глубины немецкой истории, а вовсе не обусловленной «личной судьбой» и генеалогией мыслителя.

Стремясь отмежеваться от социологической правды национал-социалистической пропаганды, в своей версии, интерпретирующей интеллектуальную биографию Ф.Ницше, Т.Манн как раз и пытается понять эволюцию философа через весьма распространенный психологически-нозографический подход. В своей версии философской эволюции Ф.Ницше Т.Манн склонен «...поменять причину и следствие, потому что ... не фашизм есть создание Ницше, а наоборот»⁹. С позицией Т.Манна солидаризируется в биографии Ф.Ницше, анализируя творчество немецкого философа, и Ст.Цвейг¹⁰. По сути дела и Т.Манн, и Ст.Цвейг воспроизводят навеянное еще А.Шопенгауэром мнение о том, что «...у гениальности и безумия есть такая грань, где они соприкасаются между собой и даже переходят друг в друга...»¹¹. Развивая эти идеи, только рассматривая их с позиций «теории вырождения», конкурирующей в XIX веке с теорией развития Ч.Дарвина, крупнейший представитель «теории вырождения» М.Нордау, не менее известный, чем Ч.Ламброзо, так оценивает творческую эволюцию Ф.Ницше: «Вне всякого сомнения, он (имеется в виду Ф.Ницше — *А.М.*) несет на себе печать помешательства»¹². Этот подход, рассматривающий широкое социальное движение, каким явился фашизм в XX веке, — как некий «коллективный психоз», индуцированный безумием его основателя, — может быть, и дает некоторое «частичное» объяснение социального феномена, но скрывает, мнимой убедительностью разьяснения, многие реальные социальные причины, процессы, порождающие массовые явления фашизации общества в начале XX века.

При таком подходе к эволюции творчества философа, его интеллектуальной биографии, практически игнорируется то обстоятельство, что и сам философ, при всей замкнутости, уединенности жизни, находится не в социальном вакууме и что сама переживает-

мая им жизнь накладывает свой «отпечаток» на это, может быть, изнутри идущее развертывание тех или иных социальных, политических идей, выдвигаемых в философии. В противном случае любое социальное явление можно трактовать как продукт коллективного безумия, навянувшего чередой гениев, находящихся на грани помешательства. Так фашизм как социальное явление трактует, в частности, английский исследователь Гран Бринтон, объявивший его (фашизм) продуктом коллективного безумия, индуцированного Гобино, Трейчке, Х.Ст.Чемберленом, О.Шпенглером, А.Розенбергом и в конечном счете Ф.Ницше¹³.

Вместе с тем этот взгляд на соотношение личности творческого гения и помешательства, но взятый применительно к одной, отдельно взятой, конкретной личности весьма продуктивен и может стать хорошим подспорьем в изучении больной, но творчески одаренной личности¹⁴. Эти патографические описания жизни выдающихся личностей весьма полезны при анализе творчества того или иного мыслителя, но никак не могут быть единственной объяснительной гипотезой в описании социальных явлений, таких, как фашизм или социализм. И, в частности, по отношению к философии Ф.Ницше — патография философа может объяснить особенности, психологические и психические, в восприятии и переживании той или иной философской идеи, уяснить процесс ее возникновения и аффективной глубины и значимости для самого философа. Подобные работы ранее проводились по поводу И.Гёте, а также Г.Гельдерлина, А.Стриндберга, В.Ван-Гога. Имеются они и по поводу интеллектуальной биографии Ф.Ницше¹⁵.

А суть проблемы состоит в следующем: Ф.Ницше, подобно великому русскому писателю Ф.Достоевскому, с самых ранних лет страдал, правда, в весьма специфической форме — в виде периодически наступающих головных болей и приступов дурноты, как эквиваленте припадка, известной еще с древности, так называемой «священной болезнью» — эпилепсией. От этой болезни, когда Ф.Ницше было 5 лет, после припадков и последующей болезни, скончался отец философа, а годом позже — годовалый младший брат. И когда в 1865 году на этот эпилептический фон наложилось инфицирование сифилисом, развилась церебральная форма болезни, завершившаяся с 1889 года двенадцатилетним этапом полного безумия. И сам стиль, пафос изложения, субъективно окрашенная «мания величия» философа, наложили заметный отпечаток на многие, особенно поздние, работы, в которых весьма причудливо переплетены гениальные прозрения и патология.

Своеобразным выражением биологически, генетически обусловленной «мании величия», столь характерной для Ф.Ницше, весьма способствовали и культивируемые в семье философа легенды о «польском происхождении» предков, графском титуле Ницких, ассимилированных в Германии и, в частности, в Пруссии в XVII веке.

Аристократический радикализм оценок Ф.Ницше, пронизывающий его от первой до последней написанной им строки, тем самым как бы обретает и физиологически, и психологически, и, может быть, психопатологически обусловленную мотивацию, которая пронизывает все его творчество и особенно явно выражена в поздней автобиографии «Ессе homo» (1888), отражающей черты надвигающегося безумия, в поздних обращениях и письмах. Как отмечает выдающийся немецкий психиатр, много занимавшийся проблемами «гениальности и безумия», — Эрнст Кречмер: «Мы можем заметить, что даже у таких гениев, как Ницше и Гуго Вольф, у которых позже обнаружился паралич (имеется в виду прогрессивный паралич как следствие сифилиса мозга — А.М.) душевному краху предшествуют длившиеся годами фазы в высшей степени гениального творчества в состоянии своеобразного перевозбуждения; таким образом, даже здесь представляется не совсем бессмысленным вопрос, не могут ли легкие токсические раздражения мозга, проявляющиеся как ранние предвестники будущего распада, вызывать у высокоодаренных людей временную активацию гения»¹⁶. Иначе говоря, эпилепсия в сочетании с латентно протекающим сифилисом мозга явились той адской горючей смесью, которая обусловила не только вызревание весьма своеобразного гения, каким и явился Ф.Ницше, но экзальтированную эйфорию душевной жизни на протяжении ранней юности и восемнадцати лет философского творчества. Эта же «горючая смесь» во многом определила и особый психопатологический рисунок личности мыслителя, его способ общения с окружающим его социальным миром, с его ближайшим окружением, темы и специфику рассмотрения, казалось бы, сугубо философских проблем. Ведь болезнь, даже такая генетически обусловленная болезнь, как эпилепсия, даже в ее стертой форме, которой страдал Ф.Ницше, во многом определяет и способ реагирования на окружающую действительность, вязкость эмоциональных аффектов, особенности логического мышления, свойственные эпилептоиду, возможности аффективно окрашенных галлюцинаций, сверхценных идей, отсутствие критики в оценке самих этих состояний, наличие «ауры».

Ведь не случайно почти все поздние мифологемы — концепции Ф.Ницше, такие как: «воля к власти», «вечное возвращение того же самого», «сверхчеловек», «смерть бога» — оформлялись философом

после аффективно-образного «видения» их в своего рода чувственно-конкретной форме: в виде «колонны марширующих солдат», давших, по воспоминаниям сестры философа, чувственно-конкретный образ — воплощение, манифестацию явления «воли к власти»; в виде застывшего горного озера — столь же чувственно-конкретно иллюстрирующего идею «вечного возвращения того же самого», как об этом образно писал сам философ в «Ессе homo». Потом будут подбираться «научные» аргументы, теории и мифологемы. Но в начале — первичен образ, аффективно окрашенный образ, греза, сумеречное состояние — аура, предшествующая приступу, момент сознания, когда миллионы вещей «вдруг» прекрасным образом объединяются в один, чувственно переживаемый символ, мифологему. Мир обретает новое значение и смысл.

Сходные состояния эйфорического «всеведения», «озарения — ауры» описывали многие герои и своего рода конгениального Ф.Ницше мыслителя, собрата по болезни, Ф.М.Достоевского. Можно сказать, что многие романы великого русского писателя населены «двойниками», духовными братьями Ф.Ницше, в амплитуде своих колебаний дающих всю палитру исканий немецкого мыслителя. Одноименные полюса в физике отталкиваются, одноименные типы, вглядываясь друг в друга, как в зеркало, тоже отталкиваются в ужасе, точно так же, как это случилось с Ф.Ницше при его знакомстве с произведениями великого русского писателя в 1887 году. Не совпала лишь христианская и антихристианская направленность обоих мыслителей, их полярная заряженность в вопросах «о путях спасения мира». Но психологический мир Свидригайловых и Ставрогинных, «Идиота» и Ивана Карамазова, с его мучительными поисками мировой гармонии, отражен в философии Ф.Ницше почти полностью. Другие психологические механизмы те же: сладострастие и жестокость, одухотворенная жестокость, получающая наивысшее удовлетворение от чужой боли, иначе говоря, садизм и мазохизм психологических проявлений «гениального», но больного гения. Как отмечает Э.Кречмер, анализируя философию и личность Ф.Ницше: «Было бы весьма интересно показать в деталях, как переплетение боли и сладострастия, ненависти и любви, властолюбия и любви проходит лейтмотивом сквозь всю его личность, причем сквозь все слои от инстинктивно-эротического и вплоть до высших этических сублимаций его учения»¹⁷.

И чтобы завершить это затянувшееся введение в личность и душевный строй философа, прежде чем приступить к анализу собственно его биографии, несколько замечаний по поводу так

называемой легенды о «польском происхождении» семьи Ницше. История о польском происхождении, выступающая своеобразной «фамильной легендой», позволяющая самому философу дистанцироваться от событий в Германии в конце XIX века, появляется в работах Ф.Ницше в конце его сознательной жизни, в так называемый период коллапса 1888 года, а затем подхватывается и неоднократно используется сестрой Ницше — Елизаветой Ферстер-Ницше в биографии философа. С одной стороны, эта легенда подводит определенный аристократический базис под «радикальный аристократизм» Ницше (Г.Брандес), являясь обоснованием его аристократического радикализма (Гарольд Гефдинг), с другой — это была своеобразная реакция на непризнание демократической, интеллектуальной Германией откровений Ницше, как своего рода романтическая форма противостояния философа, который явился в буржуазную эпоху реставратором феодально-кастовых привилегий.

Суть этой легенды сводится к следующему: «Семейная традиция повествует, будто шляхтич Ницкий был приближенным короля польского Августа Сильного и от него получил графский титул. Когда же стал королем поляк Станислав Лещинский, наш мифический предок, — пишет об этой легенде сестра философа Елизавета Ферстер-Ницше, — Ницкий принял участие в заговоре в пользу саксонской династии и протестантизма. Он был приговорен к смерти, бежал и получил место, благодаря графу Брюлю, как указывают документы, в маленьком захолустном городке»¹⁸. Сам Ницше воспроизводит эту легенду в письме Георгу Брандесу¹⁹ и повторяет ее в своей исповеди — «Ессе homo»²⁰.

Между тем исследования биографов и комментаторов Ф.Ницше, племянника философа — Макса Оэлера (M.Oehler), бывшего некоторое время куратором Архива Ницше в Веймаре, и попытка Ричарда Блунка проследить генеалогические корни, подтвердили только то, что еще дед философа в 1796 и 1804 годах выступил на философском поприще с двумя полемическими памфлетами, направленными против Французской революции XVIII века, тогда как история семьи, уходя в XVI век, насчитывает более двухсот родственников Ницше, происходящих из центральной Германии. Многие из них — мелкие фермеры, а с конца XVII века насчитывается более пяти поколений протестантских пасторов с обеих сторон: как со стороны матери, так и отца философа. Фамилия же Ницше ничего не имеет общего с польским происхождением и мифическим графом Ницким, а является аббревиатурой от немецкого Nikolaus